

Кейт Милфорд

ПРЪЗРАКИ «ДОМА
ИЗ ЗЕЛЁНОГО
СТЕКЛА»

ПРЪЗРАКИ «ДОМА
ИЗ ЗЕЛѢНОГО
СТЕКЛА»

ПРЪЗРАКИ «ДОМА ИЗ ЗЕЛЁНОГО СТЕКЛА»

КЕЙТ МИЛФОРД

Художник

ДЖЕЙМЕ ЗОЛЛАРС

Перевёл с английского

СЕРГЕЙ СТЕПАНОВ

полянория
издательский дом

2019

УДК 821.111(73)-343.4-93Милфорд.030=161.1
ББК 84(7Coe)-442
М60

Ghosts of Greenglass House
by Kate Milford
with illustrations
by Jaime Zollars

Published by special arrangement with Houghton
Mifflin Harcourt Publishing Company.

Публикуется по договоренности с Houghton
Mifflin Harcourt Publishing Company.

*Издательство выражает благодарность
литературному агентству «Синописи»
за содействие в приобретении прав.*

Милфорд, Кейт.

М60 Призраки «Дома из зелёного стекла» / Кейт Милфорд ; перевод
с английского: Сергей Степанов; иллюстратор: Джейме Зол-
ларс. – Санкт-Петербург : Поляндрия-Принт, 2019. – 624 с. : ил.

ISBN: 978-5-6042027-6-0

Литературно-художественное издание
для среднего школьного возраста

Copyright © 2017 by Kate Milford

Illustrations copyright © 2017 by Jaime Zollars

© Степанов С. А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Поляндрия
Принт», 2019

*Посвящается Тэсс, Иви-Лу и Зоэ,
в самом начале их приключений,
с любовью*

Оглавление

Глава первая
Мороз

стр. 11

Глава вторая
Девичник

стр. 30

Глава третья
За Клем и Джорджи!

стр. 45

Глава четвертая
Кража

стр. 58

Глава пятая
Отмычки и замки

стр. 74

Глава шестая
Игра с картами

стр. 85

Глава седьмая
Ожидальщики

стр. 102

Глава восьмая
Страшные вечера

стр. 116

Глава девятая
Невидимый противник
стр. 138

Глава десятая
Всесильные уговоры
стр. 148

Глава одиннадцатая
Док Холистоун
стр. 165

Глава двенадцатая
Мэдди
стр. 186

Глава тринадцатая
Эмпориум
стр. 195

Глава четырнадцатая
Лакомые кусочки
стр. 218

Глава пятнадцатая
Остролист и омела
стр. 242

Глава шестнадцатая
Как важно иметь чистые трубы
стр. 257

Глава семнадцатая
Ковчег
стр. 271

Глава восемнадцатая
Дервиш и журавль
стр. 281

Глава девятнадцатая
Перо - локус

стр. 295

Глава двадцатая
Слишком обыкновенно

стр. 307

Глава двадцать первая
Разговор с девушками

стр. 330

Глава двадцать вторая
Крепости и пиротехника

стр. 352

Глава двадцать третья
Подозрительная личность

стр. 379

Глава двадцать четвертая
Виновата традиция!

стр. 397

Глава двадцать пятая
Святой в коридорах

стр. 410

Глава двадцать шестая
Убежище

стр. 435

Глава двадцать седьмая
Люсия и череп

стр. 450

Глава двадцать восьмая
Ложные умозаключения

стр. 467

Глава двадцать девятая
Летающие карты

стр. 486

Глава тридцатая
Ещё несколько интересных персонажей

стр. 507

Глава тридцать первая
КОСТОЛОМ

стр. 524

Глава тридцать вторая
ЧУДЕСА В ЛЕСУ

стр. 543

Глава тридцать третья
В ЛУННОМ СВЕТЕ

стр. 556

Глава тридцать четвёртая
ВСЁ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

стр. 559

Глава тридцать пятая
Клад Виолетты Кросс

стр. 577

Глава тридцать шестая
СНЕГ

стр. 596

Благодарности

стр. 620

Глава первая Мороз

Мороз был какой-то совсем нехороший. Как обещание без всякой надежды на то, что оно исполнится. Как пирожное, на которое пожалели сахарной глазури, как кусочек булки, недомазанный сливочным маслом. Как большое старинное зеркало в позолоченной раме, которое стояло в спальне родителей Майло. Издалека оно казалось прекрасным, даже роскошным, но, если подойти поближе, было видно, что из-под золотой краски тут и там проступает самое обыкновенное старое дерево. Этот мороз

в то время, когда ты так ждёшь снега, принёс нечто вроде разочарования, чем, впрочем, может обернуться любая вещь в этом мире, если, конечно, оставить за вещами право приносить разочарование. Однако как раз сейчас Майло Пайн совсем не чувствовал в себе подобной щедрости.

Стоя на коленях и опершись о подоконник одного из двух в их доме больших сводчатых окон, мальчик скептически смотрел на двор в чистый кружок, ещё оставшийся посередине оконного стекла, густо обрамлённый белым. На полу у ног Майло лежали позабытые англо-китайский словарь и блокнот. Зрелище, положим, было впечатляющее. Мороз искусно подражал снегу, и, поскольку холод стоял изрядный, это продолжалось весь день. Этот мороз очень даже прилично поскрипывал под ногами, что служило неплохим дополнением к облачкам белого пара, которые вырывались при каждом выдохе, когда в последний день школьных занятий Майло возвращался через лужайку в большой старый отель — родители и он сам называли его своим домом. И всё же это был не снег, даже хуже, чем вообще ничего.

А впрочем, раздражение из-за погоды было именно тем, что и требовалось мальчику в эту минуту, чтобы не отдаться мыслям совсем о другом,

мыслям, которые он загнал в самую глубину своего сознания и которым не желал давать ходу.

Миссис Пайн присела на диванчик позади сына и протянула ему дымящуюся кружку.

— Хочешь поговорить о том, что случилось? — спросила она.

— Не люблю мороз! — произнёс Майло таким тоном, который, по его мнению, должен был дать маме понять, что и думать нечего, будто его волнует что-то ещё, кроме погоды.

Приближались сумерки, и Майло видел в оконном стекле отражение мамино лица. Оно казалось совершенно бесстрастным и задумчивым, словно та получила некое послание, но всё не могла решить, сказать об этом сыну или нет. Стекло, однако, было старым и неровным и вполне могло немного исказить лицо. Майло повернулся и взял кружку.

Поверх горячего шоколада возвышалась пышная горка сбитых сливок, которые, как ему было сказано, приготовила для него миссис Каравэй, занимавшаяся в их отеле хозяйством. Мало того, сливки были густо посыпаны толчёной корицей, к чему, похоже, приложила руку сама мама. Она наверняка знает, что Майло сам не свой вовсе не из-за погоды, и просто выжидает. Что ж, он тоже умеет играть в эту игру.

— Спасибо! — сказал Майло и решительно повернулся обратно к окну.

— Это первый горячий шоколад в зимние каникулы, — бодро произнесла миссис Пайн и приподняла свою кружку. — С чем тебя и поздравляю!

— И тебя! — буркнул Майло.

Они потягивали шоколад, и тут послышался звук шагов на лестнице. Неохотно повернув голову, Майло посмотрел через плечо матери. Первый этаж отеля был большой и просторный, одна комната переходила в другую, и со своего места мальчик всё прекрасно видел.

— Когда он уезжает? — спросил Майло, глядя на лестницу, которая находилась в другом конце столовой.

— Завтра, — спокойно ответила миссис Пайн. — Наверное, завтра. — Она повернулась к молодому человеку, который спускался по ступенькам. За ухом у него был заткнут карандаш, на носу криво сидели очки. — Напитки на плите, мистер Сайбэк, если вы уже закончили на сегодня.

— Никогда бы отсюда не уезжал, — откликнулся Эммет Сайбэк, единственный постоялец гостиницы. — Изумительное место!

— Вот и славно! Мы рады, что вам у нас нравится, — сказала миссис Пайн.

— Очень нравится!

Только не это! Майло едва не застонал и тут же почувствовал руку матери у себя на плече.

Мистер Сайбэк пересёк столовую, подошёл к диванчику и встал у них за спиной.

— Я тут подумал, — сказал он, — ещё денёк, и я закончу рисовать все ваши окна, по крайней мере начерно. Но не доставлю ли я вам лишнего беспокойства, если уеду послезавтра?

Майло сделал глоток побольше, чтобы удержаться от ответа. Ох, доставите! По мне, так это будет жуткое беспокойство!

Миссис Пайн ответила так, как Майло и ожидал:

— Никаких проблем, мистер Сайбэк.

— Благодарю вас, мэм. — Постоялец пригнулся пониже. — Я бы хотел, чтобы вы называли меня просто Эммет.

— Конечно, оставайтесь, — откликнулась миссис Пайн. — Ну, и я постараюсь, Эммет. Но сами понимаете, традиции есть традиции. — Она повернула голову в сторону кухни. — Да и миссис Каравэй вечером уезжает, так что завтра еда обещает быть не такой изысканной.

— Меня вполне устроят тосты и тайский суп с лапшой из пакета, — заверил Эммет. — Я человек непритязательный. На худой конец сгодятся

кое-какие мои цветные карандаши, они вкусные. Ну не то чтобы очень...

— О, до этого не дойдёт! — рассмеялась миссис Пайн.

— Вот и спасибо! И тебе тоже спасибо, Майло!

— За что? — Майло с удивлением повернулся.

— За то, что не возражаешь против моего вторжения во время твоих каникул. Но обещаю, ещё до сочельника я перестану тебе надоедать. Я знаю, как ково это.

— Всё в порядке, — сухо произнёс Майло.

— Ладно, я оценил. И раз уж мне не нужно сейчас собирать вещи, я просто отдохну, посижу у камина и посмотрю на огонь.

Эммет коротко побарабанил ладонями по спинке диванчика, после чего выпрямился и направился в кухню.

— Думаешь, он и впрямь студент-художник? — шёпотом спросила миссис Пайн.

— Может, и так, — ответил Майло. — А может, это замаскированный Скеллансен, который хочет убедиться в том, что за его драгоценной люстрой присматривают должным образом.

Подобного рода предположениями мать и сын развлекали друг друга с того дня, как Эммет поселился в их отеле.

— Для Скеллансена он слишком молод.

— А что? — Майло бросил взгляд на спину постояльца. — Побольше грима. Супертонкая резиновая маска, как в кино. И готово! Можно творить чудеса волшебным посохом.

— Может, и так.

В чередѣ событий, случившихся в самое удивительное время в жизни Майло — в течение его прошлогодних зимних каникул, — особняком стояла одна находка: в «Доме из зелёного стекла» нашли некий ценный эскиз витража, сделанный таинственным художником по имени Лоуэлл Скеллансен. Доктор Уилбур Гауэрвайн, один из постояльцев отеля и участников тех событий, всё лето выставлял этот эскиз в университете города Нагспик в сопровождении собственной научной лекции. А несколько месяцев спустя в отель заявился Эммет Сайбэк — студент, художник и почитатель Скеллансена, — причём заявился с такой кипой рисунков и фотографий, что их хватило бы для того, чтобы открыть антикварную лавку. Он прямо-таки жаждал узнать побольше об этом доме и о собрании его витражей.

Едва ли в этом была вина доктора Гауэрвайна. После жарких дебатов с родителями Майло тот обещал им, что место обнаружения находки останется

тайной, о которой будет известно только ему и декану его факультета. Всё же, если принять во внимание, что, помимо доктора Гауэрвайна, в прошлом декабре здесь побывали ещё пятеро постояльцев, которых к порогу гостиницы привели разные загадки из истории этого дома, то остаётся только удивляться, что пока нет других любопытствующих искателей, кому удалось бы выяснить происхождение таинственного творения Скеллансена.

Так что, когда в отель заявился Эммет, супруги Пайн не то чтобы во всём признались, разве только подтвердили, что тоже побывали на лекции доктора Гауэрвайна и тоже подозревают, что стеклянная люстра в столовой является работой Скеллансена. Однако Эммету этого было более чем достаточно. Он вёл себя как маленький ребёнок на рождественском утреннике. И не только в первый день. Он жил в отеле уже целую неделю.

Разумеется, немаловажным обстоятельством было и то, что никто из гостей, приехавших в отель накануне прошлогоднего Рождества, не открыл правду о подлинной цели своего приезда. Поэтому игра «Является ли мистер Сайбэк тем, за кого себя выдает?» — а Майло был совершенно уверен, что является, — была просто игрой. Так что на самом деле присутствие Эммета никому особенно не

мешало до тех пор, пока он занимался тем, чем собирался заниматься, и обещал уехать из отеля ещё до сочельника.

Входная дверь отворилась, и в дом ворвался порыв ледяного ветра, который, естественно, не сопровождался снежным вихрем. Противный мороз! Даже за окнами снег не кружит. Вместо снега этот порыв ветра подтолкнул внутрь отца Майло с охапкой дров в руках. Миссис Пайн встала с диванчика.

— Бен, — сказала она, — мистер Сайбэк, то есть Эммет, намерен остаться ещё на день.

— Если вы не против, — подал голос Эммет из кухни, где миссис Каравэй наливала ему в кружку горячий шоколад.

— Как угодно, — откликнулся мистер Пайн и направился к камину, на ходу стягивая с ног сапоги.

Миссис Каравэй прошла в гостиную к родителям Майло.

— Нора, Бен, вы что, хотите, чтобы я тоже осталась ещё на день? — спросила она.

— Нет-нет, — сразу же откликнулась миссис Пайн. — А Лиззи разве уже едет за вами?

— Может, и так, но у неё там ещё дел полно. Вряд ли она решится отправиться в путь на ночь глядя. А можно она останется на обед?

— Разумеется.

— Что приготовить, Майло? Жареный сыр и томатный суп? У меня есть приправа с чили... — Миссис Каравэй бросила взгляд на лежавший на полу словарь. — Помидоры отличные, можно пожарить их с яйцами, как ты любишь. Никак не могу запомнить название этого блюда!

— Сихунши чао цздань, — быстро произнёс Майло. — На самом деле он знал не так уж много названий китайских блюд, но это крепко запомнил. — Да, пожалуйста. И если можно, жареный сыр тоже.

Такие блюда миссис Каравэй обычно не готовила на обед, когда в отеле были гости. Но, с другой стороны, и Майло не каждый день заказывал что-нибудь такое.

— Обожаю сэндвичи с жареным сыром, — громко заявил Эммет, тяжело усаживаясь на диван в столовой. А яичница с помидорами вообще моя любимая еда. Великолепно!

— Хорошо, — буркнул Майло и опустил голову на руки, в ожидании того особенного успокоения, которое обычно приходило к нему, когда он возвращался домой в последний день школьных занятий перед каникулами.

Однако покой всё не приходил, и чем больше мальчик жаждал его, тем меньше ощущал. Ско-

рее, наоборот, в его душе росло какое-то напряжение. И недовольство. И гнев. Майло никак не мог решить, что именно является этому причиной — присутствие Эммета или нечто иное. К несчастью, порождённое этой неопределённостью беспокойство, которое Майло тщетно пытался списать на своё недовольство ударившим морозом, только возрастало.

«Так нельзя, — говорил он сам себе. — Негрет не одобрил бы этого».

Не помогало. Совсем. И это было самое печальное.

— Привет, приятель! — сказал мистер Пайн и сел на пол рядом с сыном.

— Привет.

— Мама сказала, ты что-то такое упомянул, будто в школе кое-что случилось.

— Это было вчера. Просто я не хотел говорить об этом.

«И сейчас не хочу», — добавил он про себя.

— А ты... — Мистер Пайн передумал задавать этот вопрос. — Это опять случилось на уроке обществоведения?

Майло коротко кивнул, хмуро глядя в окно.

— Может, если ты расскажешь мне, что случилось, то мы с мамой поговорим с учителем, и тебе станет немного легче?

— Зачем? Всё равно ничего не изменится.

— Так-то оно так, но, возможно, тебе станет хотя бы чуточку легче, если будешь знать, что это больше не повторится.

— Нельзя знать наверняка, — проворчал Майло. — Даже если вы с мамой поговорите с учителем.

— И всё же лучше попробовать, иначе не будет уверенности в том, что это не произойдёт снова. Разве ты не поговорил с ним потом, как обещал, когда он обидел тебя в прошлый раз?

— Нет, — тихо ответил Майло.

— Мы же договаривались. Ты сказал, что тебе не нужна наша с мамой помощь, что справишься сам.

Майло кивнул, и отец кивнул следом.

— Ну хорошо, давай-ка мы начнём с того, что ты расскажешь мне, что всё-таки произошло. И тогда ты сможешь выбросить всё это из головы.

«Выбросить из головы» никогда не доводило до добра. Все родители почему-то полагают, что подобные разговоры способны чему-либо помочь. Потому что — ну почему этого никто не понимает? — ничто не может изменить того ужасного, что уже произошло. Потому, очевидно, и чувствуешь себя так отвратительно... А вовсе не из-за того, что надо было поговорить об этом и пережить всё это снова. Делать было нечего, да и отец, похоже, не собирался отставать от него.

— Ладно... — Майло глубоко вздохнул. — Мы всё ещё проходим историю Нагспика.

— Да, ты говорил.

— Так вот, после того как на прошлой неделе я рассказал об истории постройки нашего дома во время войны тысяча восемьсот двенадцатого года*, а мистер Чанслор сказал то, что он сказал... — Тут Майло собрался с духом, чтобы не вспоминать о перепалке с учителем, случившейся на прошлой неделе. — Я думаю, он стал разыскивать какие-то исторические материалы, потому что вчера он заявил, будто какие-то его знакомые специалисты по истории Нагспика утверждают, что китайские моряки прибыли в наш город значительно позже, и показал всему классу несколько иероглифов, которые, насколько я понимаю, составляют название корабля. И он потребовал от меня перевести их всему классу. — Голос Майло дрогнул. — А я не знаю эти иероглифы. Тогда учитель прочёл их по-китайски вслух и потребовал, чтобы я перевёл их со слуха. — Майло прерывисто вздохнул. — А я всё равно не сумел.

— Да уж, осечка, — сказал мистер Пайн. — Мне очень жаль, сынок.

Если разобраться, осечка была тройной. Во-первых, во время обсуждения истории войны 1812 года

* Речь о так называемой Второй войне за независимость США против британцев (1812–1815).

Майло сам поднял руку и рассказал о том, что как раз перед войной «Дом из зелёного стекла», или Лэнсдегаун, как его назвали позже, построила семья моряков, в которой был китайский ребёнок, а учитель заявил, что на самом деле китайские моряки прибыли в Нагспик значительно позже. Майло стал возражать, что команда корабля была смешанной, британско-китайской, и там была семья Блюкраунов, но учитель как ни в чём не бывало продолжил урок, доказывая тем самым неправоту Майло. Вот причина расстройств на прошлой неделе.

А вчера для расстройств нашлось целых две причины. Во-первых, мистер Чанслор вёл себя так, словно его аргументы в пользу того, что китайский корабль прибыл в Нагспик в 1835 году, неопровержимо доказывают неправоту Майло, утверждавшего, что Блюкрауны появились в городе значительно раньше. Но ведь Майло точно знал, что он прав. А во-вторых, учитель заставил Майло переводить те иероглифы просто потому, что он китаец. Учитель выставил мальчика на посмешище перед всем классом. Это было ужасно, не говоря уж о том, что и несправедливо.

Несправедливо, потому что на самом деле Майло знал немало иероглифов. Они с родителями давно изучали китайский язык (точнее, мандаринский

диалект), но учили пока упрощённые иероглифы. Показанные учителем иероглифы, к какой бы рукописной системе они ни относились, а тем более написанные двести лет назад, даже при беглом взгляде на них выглядели куда более сложными, нежели те, что изучал Майло. И это было вдвойне несправедливо потому, что, хотя он с родителями изучал китайский, этот язык не был для него родным, — ведь он вырос в Нагспике, где и теперь китайская диаспора была совсем небольшой, да и для его родителей китайский не был родным, не говоря уже о том, что они белые люди. А кроме того, в китайском языке десятки диалектов, и, будь Майло даже носителем китайского языка, мистеру Чанслору следовало бы предварительно выяснить, что Майло знает только мандаринский диалект. И вообще говоря, узнать, на каком диалекте говорили настоящие родители Майло, не представлялось никакой возможности. А мандаринский диалект выбрали для мальчика супруги Пайн по одной простой причине — найти учителя этого диалекта было намного проще. Поступок мистера Чанслора был тем более несправедлив, что (Майло был в этом совершенно уверен) редко какой даже самый настоящий китаец знает абсолютно все иероглифы, не говоря уже о том, чтобы правильно прочесть их.

Но и это было далеко не самое ужасное. Самое ужасное заключалось в том, что всё это вместе заставило Майло почувствовать, что слова «настоящий китаец» к нему не относятся.

Мистер Пайн придвинулся к сыну поближе.

— И всё же я думаю, ты мог бы объясниться с учителем, чтобы он понял, что обижает тебя.

О нет! Майло тогда едва сдержался, чтобы не разрыдаться. Он еле дождался звонка и выскочил из класса, а потом долго боролся с приступом надвигающейся паники.

— Нет. Я не нашёлся, что сказать.

А ещё слёзы и полное отчаяние.

— Наверное, я бы тоже не нашёлся, — сказал мистер Пайн и посмотрел на лежавшие на полу словарь и блокнот. — Может, в этом всё дело? Может, поучим слова?

— Давай.

Некоторое время отец и сын смотрели в окно на лужайку, над которой сгущались сумерки. Позади них в столовой потрескивали в камине смолистые поленья, этот запах проникал мальчику в самую душу.

«Каникулы, — словно бы говорил этот запах. — Скоро Рождество. Ты можешь быть счастливым. Просто будь счастливым!»

Мистер Пайн обнял сына, и тот прижался щекой к его руке.

— Я говорил про слова не просто так. За эту неделю я выучил несколько, но надо проверить произношение. Давай, проверяй. — Отец Майло поднял вверх указательный палец. — Первое — мост. Либо цяо, либо цяолян, но цяолян может иметь переносный смысл. Второе — упавший, в смысле рухнувший, это цаньпо. А ещё паром, в смысле лодка, это, наверное, дучуань. И последнее: поздно — вань.

— Это ты хочешь сказать мне о том, почему опоздал на встречу, на которую собирался пойти сегодня, — догадался Майло и улыбнулся.

— Ну да, опоздал. Но зато я почти сумел объяснить это по-китайски. — А какие слова выучил ты?

Майло взял свой блокнот.

— Зима — дунтянь. Снежный покров — цзисюэ. Мороз — шуан. Невыносимый — наожэнь. Это пока всё.

Мистер Пайн усмехнулся.

— Ну как, полегчало? Послушай-ка меня, — сказал он уже серьёзно, — не торопись с выводами, сначала подумай. Мне кажется, мистер Чанслор обнаружил интересные факты о прибытии китайцев в Нагспик и был рад этим поделиться. Он не понимает, что, когда тебя выделяют среди других, это

сильно тебя задевает, не понимает, что нельзя делать предположения, основываясь исключительно на внешности. Я думаю, всем известно, что не нужно строить неверные предположения о других людях, но люди далеко не всегда понимают, что строить какие бы то ни было предположения вообще не самое правильное занятие. Наверное, мистер Чанслор знал, что у тебя есть учитель китайского языка. Ведь преподаватели общаются друг с другом. Вот он и решил, что ты знаешь китайский.

— Наверное.

Всё это очень даже логично, но как-то уж очень обидно. Майло не мог смириться с мыслью, что люди, которых он любил и которым доверял, обсуждают его между собой. Теперь же мистер Чанслор определённо выпал из этой категории.

Мистер Пайн с сочувствием посмотрел на сына. Он всё понимал.

— Я думаю, — сказал он, — пришло время мне и маме поговорить с твоим учителем и объяснить ему что к чему. Я уверен, мы всё выясним, и тебе не о чем будет беспокоиться. — Мистер Пайн протянул сыну согнутый мизинец. — Но если ты не согласен, мы с мамой ничего этого делать не станем.

Майло взялся своим мизинцем за мизинец отца. Клятва на мизинцах — самая крепкая.

— Только если я соглашусь, ты скажешь учителю, что я был прав, утверждая, что наш «Дом из зелёного стекла» построила семья Блюкраун.

— Само собой разумеется. — Отец и сын в знак договора несколько раз встряхнули сцепленными мизинцами. — А теперь постарайся хотя бы на время забыть об этом, потому что такие мысли расстраивают тебя и делают тебе только хуже.

Вот уж чистая правда, даже если пообещать не расстраиваться куда проще, чем перестать расстраиваться на самом деле.

— Я постараюсь.

— Вот и хорошо. Вернёмся к этому разговору ближе к Новому году, но, если захочешь, мы с мамой готовы обсудить это в любое время. Договорились?

— Договорились.

— Вот и славно! И хочу похвалить тебя за выбор блюд на обед.

— Да ладно!

Мистер Пайн встал и отправился по своим делам, что, собственно, и делают родители, чтобы не докучать ребёнку, когда тому просто необходимо, чтобы его оставили в покое. Пока Майло раздумывал, стало ли ему лучше, произошло нечто совершенно неожиданное.

Зазвонил колокол.